

*Адамо Соледад. Существо и невеста,
ответившая отказом*

Александр Бережной

Александр Бережной
Адамо Соледад. Существо и
невеста, ответившая отказом

<https://litres.ru/74250189>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это история существа, любящего мир и людей его населяющих своей странной любовью, той, что могла родиться лишь в сердце бессмертного создания, и невесты, выбранной им.

Александр Бережной Адамо Соледад. Существо и невеста, ответившая отказом

Соберись сейчас под сводами собора все поэты этого мира, и им, этому сонму многоголосых певцов жизни, не хватило бы никаких слов для описания той красоты, которой дышало всё её существо: что бы они ни сказали, чтобы через годы творческих мук не вылились на бумаги, всё это выглядело бы грубо и нескладно, недостойно того, чтобы описать ту, которую нёс я к алтарю.

Статуи ангелов и святых в немом молчании своём соглашались с моими мыслями.

И даже растрёпанный полуслепой священник, едва проснувшегося, имеющий вид совершенно неподобающий предстоящему торжеству, имел какой-то странно сакральный смысл.

Священник, этот старик, с забавно торчащими волосиками на его лысеющей голове, являл собой ту каплю несовершенства, которая по законам природы должна быть даже в самом совершенном творении.

Сегодня ночью творение, нуждающимся в той самой капле, была моя долгожданная свадьба.

Не в силах сдерживать боле слова внутри своего разума, я заговорил, изливая то, что должно было быть сказано:

- Не нужно, ах, не нужно этого осуждения во взгляде, святой отец. Истинно вам говорю, я несчётное число раз обещал себе, что постараюсь, и не буду, по своему обыкновению, терзать себя из-за всякой мелкой неприятности, какую преподносит мне судьба, что буду я наслаждаться настоящим, а прошлое оставлю в прошлом. Я всё это знаю, но всё же я вновь здесь, у алтаря. Вновь невеста на моих руках. Вновь смиренно я молю о таинстве венчания. Как было это много раз до того. Но верю, внемлите словам моим, ведь идут они из самой глубины не разума моего, но сердца, вместилища любви и тревог, что этот раз – последний, ведь нашёл я ту одну, что рождена стать моей. Невесту.

- Карабинеры!.. я вывозу карабинеров!

Голос священника – истеричный, испуганный – прибавил ещё каплю несовершенства к картине, но она в разуме моём была столь полна, столь ярка, что подобное мелочи уже не имели ровным счётом никакого значения, как не обращает промокший до последней нитки в реке человек на мелкий дождик, летящий с неба.

- Не стоит лишнего беспокойства, святой отец. Если вы о сломанных входных дверях, так это никакие ни злоумышленники их сломали. Это я их сломал. Сломал, а теперь на-

помню вам, закрывшему их на ключ, что Истинный говорил «двери дома моего всегда открыты», а чем если не домом Истинного является этот чудесный собор? Но, как я уже говорил, не стоит беспокойства: мной не будет написано письмо епископу с указанием этой вашей столь глупой промашке.

Невеста в моих руках очень уж сильно дёрнулась, и, чтобы она не упала, мне пришлось поудобнее перехватить её, оставив на платье ещё несколько кровавых отпечатков.

Кровь... конечно же.

Как я, столь много отдающий чувствам и мыслям, не понял сразу: не дверь, мёртвое дерево и метал стали причиной беспокойства святого отца, а она – кровь.

Пастырь беспокойством объят оказался, посчитав, что раны есть на телах моём и невесты.

- Святой отец, кровь эта не наша, а людей в глупости своей вставших на пути любви. А кому, как не вам понимать, что нет ничего превыше этого воистину лежащего в основе всего нашего мира чувства?

- Ты – покойник! Слышишь?! Ты – покойник. Я – дочь семьи Монтезини! Мой брат – он тебя убьёт!

Повязка сползла со рта моей невесты, и собор наполнился её криками.

Акустика в этом месте оказалась просто волшебная.

Уверен, присутствовать на службе, наслаждаясь звуками хора – одно из обязательных воскресных занятий всяко-

го, считающего себя человеком просвещённым, обитателя окрестностей этого района города.

- А ну отпусти меня! Я сказала...

Я поправил повязку, и благодарно кивнул невесте за важное напоминание.

В спешке, в своём многословии, более приличествующих трепетному юнцу, впервые оказавшемуся у алтаря, а не мне, чьи власа щедро окрасила седина прожитых веков, упустил я важное, о чём моя дражайшая невеста мне столь любезно напомнила: святой отец не проведёт венчание, если не известно ему ни моего имени, ни имени моей избранницы.

- Ах, святой отец, мне стало понятно недоумение вашего взгляда: в ночи незнакомцы молят вас о венчании, но не удосужились даже имён своих назвать. Прошу простить мне это невольный недочёт, который я постараюсь немедленно исправить, что вы поскорее могли приступить к нашему венчанию. Я – Адамо Соледад, а это моя – невеста и, как это ей только что было любезно сообщено, - она из семьи Монтезини. – когда фамилия моей невесты прозвучала во второй раз на лице священника понимание, что услышанное им ранее не было причудливой шуткой не до конца пробудившегося мозга. – И, считая, вас, святой отец, человеком, которому не чужды и дела мирские, кажется мне, что назови я сейчас имя своей невесты, это несколько бы снизило бы восторженную красоту момента, поэтому я позволю вам самому произнести

его. Святой отец, я рассчитываю на вас. Не подведите.

- La Mostro... её же должны были повесить завтра...
Что это за слова?..

Это не те слова, что должны были прозвучать...

У меня от разочарования руки опустились, и я едва не выронил свою драгоценную невесту.

Пришлось опять перехватывать.

До чего же бойкая.

Другая же уже выдохлась или смирилась, а она всё пытается вырваться.

До чего же она хороша.

В каждом своём движении.

В каждой попытке вырваться, если не вырваться, то хотя бы больнее ударить локотком или коленкой.

- Святой отец, ваши слова вонзились в моё трепещущее сердце, как безжалостные ножи, вонзаются в тело бедной лани. Вы должны были назвать её имя, а не это безвкусное в свое вульгарности прозвище из жёлтых газетёнок. – я сделал паузу, чтобы набрать больше воздуха в грудь (жилетка, сдерживая мою плоть, затрещала) и выдохнул имя своей невесты.
– КАТАЛИНА.

Имя, усиленное акустикой собора, грянуло как гром, заполняя собой всё пространство.

Прекраснейшее из имён, как и имена всех моих невест.

- Я... я не могу... уходите...

- Почему же, почему же, святой отец? Почему же вы отказываете двум любящим сердцам засвидетельствовать свою любовь перед Истинным? Не сказано ли, что Истинный и Любовь – суть одно? Или вы из тех, кто ставит закон светский выше закона божьего? Ах, не надо спешить с ответом, позвольте мне всё же продолжить мысль свою. Не спешите прервать её, как ребёнок срывает недозрелый плод, а потом говорит, что вкус его ему противен. – здесь я сделать паузу, не для того чтобы набрать воздуха или обдумать что-то, а потому что того требовала от меня логика самой речи, её драматургия. – Если читаете вы светские законы выше божьих, то тем боле нет причин в отказе: право на *nozze del boia*, полученное мной, не имеет сроков.

- Свадьба палача?..

- Bravo, святой отец, вы помните этот прекрасный обычай, вы помните об этом праве, которым я клялся больше не воспользоваться. Нет, только не в этом веке всеобщего просвещения. И всё же я предал сам себя, предал, не смог сдержать чувства, и стыд за совершённое ест меня изнутри. Поверьте мне, поверьте, святой отец, и смилостивитесь наконец надо мной и поймите: я влюбился, влюбился в неё с первого взгляда. И как любой из влюблённых я не мог отдать свою возлюбленную в объятия смерти. И вот я здесь, молю вас: выполнить ваш долг, если не перед Истинным, то перед обществом, и обвенчать нас.

Слова мои, искренние, наполненные огнём моего сердца, заставили священника смягчиться.

Старик прошёл мимо и опустил на скамью.

Невеста, не утратив ни капли своего пыла, билась как рыба, в руках молодого рыбака, и как глупая рыбка была уверена, что стоит ей вырваться – ждёт её свобода родного водного простора, а не суровая реальность земли, не оставляющей рыбке ни единого шанса на спасение.

- Документы. Чем вы можете подтвердить своё право на pozze del boia?

И пусть слова священника, усомнившись в моём праве, оставили ещё одну рану на моём и без того израненном сердце, я всё же был рад услышать их, ведь слова эти, подобные первому камню, скатившемуся по склону, свидетельствовали для знающего о том, что сейчас будет обвал.

Потребная грамота находилась во внутреннем кармане моего пиджака, и, доставая её, я старался не думать о том, во что превратил я творение семьи Конти.

И как всегда, когда я запрещал себе о чём-то думать, я не мог об этом не думать.

Если бы глаза мои способны были плакать, то слёзы потекли бы из них от вида того, что сделал я с костюмом, пошитым мне нынешним владельцем салона на Виа Кондотти, почтенным Милано Конти, чей достойный предок – Газзано был странствующим торговцем, тканями и мелочами для

шиться, носившем в себе зерно великого таланта, которому лишь нужна была почва, чтобы расцвести. И этим талантом был талант портного, переданный им своим потомкам, вместе со мной, их постоянным клиентом на протяжении многих поколений.

Скрупулёзность, с которой священник изучил мою грамоту, из-за своего слабого зрения, почти водя носом по ней, вызвала моё немое восхищение, как вызывает это же чувство наблюдение за любой работой, которой человек отдаёт всего себя.

- Я проведу венчание. Прошу подождать – я должен приготовить всё необходимое.

Грамота вернулась ко мне, и огромных душевных усилий мне стоило ответить краткой благодарностью, а не сорваться, не начать изливать всю ту гамму чувств облегчения и ликования, что в тот момент забурили внутри.

Возникшая, после ухода священника тишина, показалась мне столь кощунственно неправильной, что я не смог сдержаться и запел «Солнце моё».

*Как дивно светит день погожий,
После грозы, в прозрачной сини!
Весь воздух – праздник, мир – святыня...*

Как дивно светит день погожий.

*Но солнца лучшее на свете –
Твоё лицо – мой свет в окне.*

Не удержался – следом запел «Аура Ли» - гимн весне, свету и любви, невинный, полный образов: иволга, ива, весна, золотые волосы, ласточки, кольцо. Всё в нём дышало обещанием счастья.

Главный образ – та самая Аура Ли – это солнечный свет, который приходит с героиней и уходит с ней. Если она рядом – мир цветёт. Если нет - «ива золотыми ветвями качается под зимним ветром».

Кажется, мою невесту всё же тронуло моё пение.

Притихла.

Я подумал перехватить её, чтобы она не лежала, а скорее полусидела на моих руках, и тут же, как ребёнок, впервые увидевший дивный цветок огня, протянувший к нему руку, поплатился за свою наивность: моя невеста заехала мне головой в челюсть.

До чего же она у меня энергичная, неугомонная.

Не могу удержать в себе чувство восхищения, и обличаю его в «Целуй меня крепче».

*Целуй меня, целуй, любовь,
Как будто эта ночь уже не повторится вновь.*

Целуй меня – и не кончай,

Ведь страшно потерять тебя, тебя, тебя...

Я уже собирался спеть ещё одну, но суеты звук вторгся в нашу с невестой интимность.

О, что за век?

Что за люди?

Ужель так сложно им дать мне ту малость, без которой мне не жить?

В чём смысл сих метаний, жертв?

И столь болезненно, сколь чуждо душе моей, растревоженной песнями, отозвалась эта суета, что позволяю я стону боли вырваться из моих уст.

Рыком, заставляющим ворвавшихся в собор людей пристать, звучит тот стон.

Прошёл краткий миг смятения.

Пропал, как утренняя дымка, оставив о себе лишь воспоминание.

Будто чайки крикливые, не способные понять всю неуместную наглость своего грая, наполнили вошедшие своды собора своими голосами.

- Это он. Это он оторвал Энцо руку!

- Да он ещё уродливее, чем говорили.

- У Пино челюсть сломана в дух местах.
- Понятно почему он украл приговорённую к казни.
- Тварь!
- Богомерзкое создание.

Поднялась рука.

Все замолчали.

Заговорил вышедший вперёд мужчина.

В отличии от всех остальных у него не было оружия в руках.

- Дон Адамо, я осведомлён о сути ваших притязаний. Мы, семья Рицотти, - люди чести, что уважают законы государства, в котором живут, даже такие древние и абсурдные законы, как тот, к которому апеллировали вы, получив в свои руки эту кровожадную убийцу. – говоривший сделал паузу, но слишком короткую, снижающую вес всего, что будет потом сказано. – И мне как саро семьи Рицотти позволено гарантировать предоставление вам любой иной девушки, которую вы сочтёте достойной стать вашей невестой. Каталина Монтезини же должна быть возвращена в тюрьму и казнена, как это было постановлено судом.

Слова, пусть и сказанные не без уважения, всё же вызвали у меня чувство отторжения:

- Вы объявляете себя человеком чести, но при этом говорите, как торговец, который предлагает мне один товар вместо другого, совсем упуская из вида, что та, что для вас является лишь предметом торга, - прежде всего моя невеста и

личность.

- Дон Адамо, только из уважения, которое мне было велено проявить к вам, я вновь обращаюсь к вашему разуму и акцентирую ваше внимание, что ваша выходка имела успех только благодаря её дерзости. Здесь же, со мной, как вы можете видеть, больше дюжины вооружённых soldato. Проявите разумность, дон Адамо.

- Ваша разумность – клетка для духа, в которую с упорством достойным воистину лучше применения, загоняете не только себя, что было бы лишь вашей бедой, но и других. Действиями своими уподобляетесь вы садовнику, что готов выкорчевать куст роз, этих истинно королевских цветов, просто за то, что он не приносит по осени урожай яблок.

Я сдержал себя, не стал продолжать.

Не стоит и дальше сотрясать воздух, ибо есть время слов, а есть время действий, и лишь немногим дано тонко чувствовать ту незримую грань, что их разделяет, не позволяя превратить спор достойных в рыночную склоку, которой место на рыночной площади, а не под сводами собора.

- Очень жаль, дон Адамо. Возможно, вы хотите, чтобы я что-то передал кому-то из ваших родных?

- В этом нет нужды.

Мне не нужно подбирать в суете мелкой, унижительной слов, они давно уже написаны, написаны не мной, но мной

ОНО ВНОВЬ БУДУТ ОЖИВЛЕНЫ ВНОВЬ.

*Мной входят в город скорби бесконечной,
Мной входят в боль, которой нет конца,
Мной входят к тем, кто проклят навсегда.
Меня воздвигла Правда в час предвечный...
Входящие – оставьте все надежды.*

Больше пропето, чем сказано мной было, пока я опускал свою невесту на скамью.

Разумеется, на языке оригинала, на имперском, на старо-имперском, том, что был до возвышения Хайльберга.

Неудержим я в противостоянии.
Ненасытен, груб.

Животному подобен становлюсь, когда против силы моей сила другая становится.

И тем больнее, тем печальнее возвращаться мне после, чтобы видеть ужасы, мной сотворённые, которые я себе столько раз обещал не повторять.

Столько боли, столько гнева, что сам я себе немил становлюсь, и только тем держусь, что сила моя – лишь ответ на силу чужую, что отмерено мной было им той же мерой, что отмерить мне хотели они.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.